

Труж. — 1995 — 16 сент. — с. 6
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

НЕСКАЗАННОЕ, СИНЕЕ, НЕЖНОЕ...

Русский Север в судьбе поэта

Приходится сожалеть, что путешествия по русскому Северу не оставили заметного следа в поэзии Сергея Александровича. Такого, как поездка в Баку, увенчавшаяся «Персидскими мотивами», «Балладой о двадцати шести». Но, видимо, не все и не всегда находит выражение в слове. Куда серьезнее влияние Севера на духовное, поэтическое становление Есенина. Дружбу с северными поэтами он сохранил до последних дней.

Загадка венчания

Теплый дух исходил от полей, где жнивье принялось свежими зелеными. Иду с угора на угор, вот из-под ног взлетела стайка голубей, а за ней зашумела крыльями большая голубиная стая. Раздольная красота вокруг, вспоминаются строки поэта: «Не видать конца и края, только синь сосет глаза...» Шагаю в легком волнении. Может, вот этой же самой полевой тропинкой погожим днем 12 августа 1917 года по новому стилю прогуливался Сергей Есенин, только что обвенчавшийся с Зинаидой Райх. В деревеньке под названием Кирики, что на косогоре (мне до нее — метров пятьсот), в тот августовский день состоялось венчание молодого поэта и его возлюбленной, впоследствии — актрисы...

Не знаю, как тогда добирался Есенин с компанией — от Вологды шесть километров. Возможно, для конных экипажей был проезд. Ныне в Кирики на легковушке не пробраться — только на тракторе или грузовике. Господи, что делает человек с родной землей! От Кирик уцелело домов восемь, они стоят в рядок, а вокруг — кто во что горазд, от сарайки и вагона до приличного домика — дачи. Естественно, никакой таблички, никакого указателя о том, что здесь бывал Есенин. «Как мало надо этим брадачам, чья жизнь в сплошном картофеле и хлебе...»

Деревенская старожилка Африосинья Андриановна Петрова хотя и не местная, но знает все тропки. Повела меня, опираясь на клюку, к сельскому кладбищу. От небольшой церквушки святых Кирика и Улиты, где обвенчали Есенина с Райх, не осталось ни одного кирпича, церковь стояла при входе на кладбище. Лишь небольшая холмик возвышался. Грустно-то как. Потянул ветерок, зашумели рядом высокие раскидистые березы. Нет сомнения, подтвердила старушка, эти-то деревья помнят Есенина.

— Ловок был больно, ой, ловок!

— Это вы о ком? — не понял я.

— Да о нем же, о Есенине, — пояснила бабуля. — Ловок — я видела по телевизору. Говорят, убили его? Убить человека — ума много не надо.

— Да, есть и такое предположение. Но не доказано...

— Ой, ловок. Таких ловких в первую очередь-то и отправляют на тот свет...

Интересно. В это бесхитростное словечко Петрова вкладывала все мудрое и возвышенное, что узнала за свои восемьдесят лет бытия. И я грешным делом подумал — права! «Счастье есть ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны». Ловок был и в житейском плане. Так «закрутил» венчание с Райх, что доныне оно остается в какой-то степени загадкой.

Почему венчание в Кириках, а не в Вологде? Или, на худой конец, в соседнем селе Спаском, где была большая церковь? Дочь поэта, Татьяна Есенина описала со слов матери, Зинаиды Райх, это событие:

«... Со дня знакомства до венчания прошло примерно три месяца. Все это время отношения были сдержанными, будущие супруги оставались на «вы», встречались на людях. В июне 1917 года Есенин совершил поездку к Белому морю, он был не один, его спутниками были два приятеля и Зинаида Николаевна... Уже на обратном пути, в поездке, Сергей Александрович сделал матери предложение... Решено было венчаться непременно. Все четверо сошли в Вологде. Денег ни у кого не было. В ответ на телеграмму: «Вышли сто, венчаюсь», — их выслал из Орла, не требуя объяснений, отец Зинаиды Николаевны. Купили обручальные кольца, нарядили невесту. На букет, который жениху надлежало преподнести невесте, денег уже не было. Есенин нарвал полевых цветов по пути в церковь — на улице всюду пробиалась трава...»

Есть неточность в воспоминаниях — перепутано время. Впервые дату венчания по церковной книге установил в конце 70-х годов вологодский краевед Николай Парфенов. Кстати, он уточнил: Кирики находились на территории бывшего имения, принадлежавшего когда-то старинному дворянскому роду Мусиных-Пушкиных, может, эта родословная местечка и привлекла Сергея Александровича?

Итак, 12 августа. Священник Виктор Левгов и псаломщик Алексей Кратиров совершили обряд бракосочетания. Молодые внесли в специальные графы биографические данные. Жених — 22 лет, крестьянский сын, пра-

вославно вероисповедания, первым браком. Невеста — мещанка г. Ростова-на-Дону, 23 лет, православного вероисповедания, первым браком. Поручителями жениха выступали крестьяне Павел Хитров из деревни Ивановское и Сергей Бараев из села Устье. Со стороны невесты — крестьянин деревни Коншино Алексей Ганин и купеческий сын из Вологды Дмитрий Девятков, что весьма любопытно. Желание избежать общественной огласки брака, по предположению Николая Парфенова (у Есенина были на то личные причины), и привело компанию в Кирики.

А, возможно, обстояло проще. «Нити» свадьбы взял в свои руки друг поэта, сам поэт Алексей Ганин. А у его знакомых, купцов Девятковых, в Кириках была отличная дача. Ну и поехали, чтобы меньше хлопот. Во всяком случае в 1917 году в церкви святых Кирика и Улиты венчание Есенина с Райх было единственным бракосочетанием.

Плыли ли на Соловки?

По этому поводу краеведы и литературоведы сломали немало копий. Одни утверждали — да, был поэт на Соловках, другие отрицали. Достоверных же источников, подтверждающих пребывание, нет. Правда, в антологии «Поэты наших дней», вышедшей в 1924 году, Есенин напечатал одно-единственное стихотворение, посвященное русскому Северу, где есть строки:

*Не встревожен ласкою угрюмою
Загорелый взмах твоей руки.*

Все равно — Архангельском

иль Умбою

Проплыть тебе на Соловки...

Но оно могло быть навеяно и общим впечатлением от северных мест. Тем более что в Вологде поэт побывал не раз благодаря дружбе с Алексеем Ганиным, которая предположительно началась в 1916 году, когда они вместе служили в Царскосельском военносанитарном поезде N 143. Летом этого года (будучи, очевидно, в отпуске) Сергей Александрович приезжал в Вологду, чтобы при содействии Ганина издать свою антивоенную поэму «Галки». Сделать это, к сожалению, не удалось. Потом была еще поездка, уже в июне 1917 года. А в августе — вместе с Зинаидой Райх.

Сестра Алексея Ганина Мария Кондакова так вспоминала о пребывании Есенина: «В Вологде Алексей с Есениным заходили ко мне на квартиру, я с ними ходила обедать в ресторан. Из Коншино они, очевидно, поехали на Соловки через Морженьгу... В г. Архангельске один старый краевед рассказывал, что Есенина и еще двоих видел кто-то на бульваре, но он ни с кем здесь не встречался... Сестра Лена говорит, что Есенин, З.Райх и Алеша ходили гулять на косогору, а в деревне Коншино Райх и Федя плясали. Младший брат хорошо плясал, играл на балалайке, гитаре и гармошке, которую подарил ему Сергей Есенин в 1917 году, когда Федя приезжал в Петроград...»

На Север Есенина тянула не только дружба с Ганиным. Здесь была «малая родина» его старшего брата — Николая Клюева.

«Голубь мой белый...»

Удивительно светлым, чистым, материнско-отцовским было отношение Николая Алексеевича Клюева к младшему брату по перу — «Сергуньке». Как ласково он его величал: «милый братик», «голубь мой белый», «касатик»... Впервые Есенин написал Клюеву в апреле 1915 года. Он еще не был известен в литературных кругах, только вступал на эту стезю; а Клюев к тому моменту издал книгу «Сосен перезвон», был поддержан Брюсовым и Блоком. Любопытное признание сделал в этом письме Сергей Александрович: «Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своем рязанском языке».

Видимо, эта открытость сразу сблизилась двух поэтов. Клюев ответил сразу же. Выполняя просьбу Есенина дать оценку его творчеству, олонечий песнослов отозвался так: «Мне многое почувствовалось в твоих словах, продолжи их, милый, и прими меня в сердце свое...»

В другом послании он сообщал, что бывал в Рязанской губернии, жил у хлыстов в Даньковском уезде, «очень хорошие и интересные люди, от них я вынес братские песни».

Фото А. ЛОЖНОВА.

Так завязывалась эта переписка, эта дружба, порой доходившая до разрыва, но, вопреки всему, не разорвавшаяся. Клюев предостерегал Есенина от шумного успеха в поэзии, такого, каким, к примеру, пользовался Игорь Северянин. И давал многозначительное наставление: «Быть в траве зеленым и на камне серым — вот наша с тобой программа, чтобы не погибнуть...»

Глубокой осенью 1915 года поэты встретились в северной столице. Как вспоминал Сергей Городецкий, «Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время. Он был лучшим выразителем той идеалистической системы, которую несли все мы».

Вскоре тон писем Есенина меняется, он обращается к Клюеву, как к очень близкому человеку: «Дорогой Коля, жизнь проходит тихо и очень тоскливо. На службе у меня дела не валят. В Петроград приедешь, одна шваль торчит. Только вот вчера был для меня день, очень много доставивший. Приехал твой отец, и то, что я вынес от него, прямо-таки передать тебе не могу. Вот натура — разве не богаче всех наших книг и прений?» (Царское Село, июль — август 1916 г.).

...Как личную драму переживал Клюев смерть Есенина. Год спустя после трагедии он написал знаменитый «Плач о Есенине», где попытался дать разностороннюю оценку жизни и творчеству великого поэта России. В том числе там было брошено обвинение тогдашней прессе: «А стая поджарых газет скулила: кулацкий поэт!»

И как живые...

Поразительная вещь! Все, что брал «взаймы» Есенин для духовного и нравственного роста у северных поэтов, вернулось сторицей на эту землю, засверкало яркими красками у поэтов нового поколения — Александра Романова, Ольги Фокиной, ну и прежде всего — в творчестве Николая Рубцова. В 1962 году он писал:

*Версты всей потрясенной земли,
Все земные святыни и узы.
Словно б нервной системой вошли
В своенравность есенинской музы!
Эта муза не прошлого дня.
С ней люблю, негодую и плачу.
Много значит она для меня,
Если сам я хоть что-нибудь значу.*

Рубцова не раз корили за «есенинщину» — тогда было модно. Лишь преподаватель Литинститута Николай Сидоренко, давая оценку дипломной работе молодого поэта, увидел в «подражании» нечто иное: «Может показаться, что в отдельных стихах Н.Рубцова слух улавливает «есенинские» интонации. Возможно. Но это не подражание, а национальное средство творчества, и тут С.А.Есенин в чем-то помог младшему брату, в чем-то подержал, утвердил его».

В осеннее ненастье, вспоминая встречу с друзьями, Рубцов писал: «И как живые в наших разговорах Есенин, Пушкин, Лермонтов, Вийон!».

Да, живые. Пусть они остаются такими для нас всегда.

Геннадий САЗОНОВ.

ВОЛОГДА.